

Малик Юрий Сергеевич

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ В РОМАНАХ "САТИРИКОН" И "ЗОЛОТОЙ ОСЁЛ"

Статья посвящена рассмотрению мироощущения поздней Римской империи на примере ключевых романов I и II вв. н.э. - "Сатирикона" Петрония Арбитра и "Золотого осла" Апулея, - в которых интуитивно предвосхищается закат Античности в широком смысле этого слова. Проводится сравнительная характеристика образа повседневной жизни империи, созданного Петронием, и жизни римлян в романе Апулея. В "Сатириконе" образ имперской жизни полон растущего скептицизма, замещаемого абсурдизмом. В "Метаморфозах" образ империи диалектичен: он раздваивается на профанное и сакральное.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/12-3/30.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 12(86): в 5-ти ч. Ч. 3. С. 120-123. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/12-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

(4) Фан Кхой (вьет. *Phan Khôi*, 1887-1959 гг.) – известный вьетнамский исследователь, поэт и писатель, основатель движения «Новая поэзия» во Вьетнаме в XX веке. Он также талантливый журналист, активно применяя западные рационалистические идеи, с юмором критиковал вредные привычки феодальных и французских колониальных чиновников.

Список источников

1. **Cư Vũ Văn.** Thần học qua các diễn biến của lịch sử // Thánh Kinh nguyệt san. 1971. № 11. Tr. 11-12 (Ку Ву Ван. История теологии // Библейский ежемесячник. 1971. № 11. С. 11-12).
2. **Dixon H. H.** Lược sử Hội Thánh. Hà Nội: Nhà in Hội Tin Lành Đông Pháp, 1932. 121 tr. (Диксон Г. Г. Краткая история Евангелической церкви Вьетнама. Ханой: Типография Евангелической церкви французского Индокитая, 1932. 121 с.).
3. **Encyclopedie du Protestantisme.** Genève: “Cerf – Labor & Fides” Publisher, 1995. 1632 p.
4. **Hùng Nguyễn Xuân.** Về nguồn gốc và sự xuất hiện tên gọi đạo Tin lành tại Việt Nam // Tạp chí Nghiên cứu tôn giáo. 2001. Số 3. Tr. 47-55 (Хунг Нгуен Суан. О происхождении и появлении термина протестантизма во Вьетнаме // Религиоведение. 2001. № 3. С. 47-55).
5. **Irwin E. F.** With Christ in Indochina. Harrisburg – Pennsylvania: Christian Publications, 1937. 146 p.
6. **Keith Ch.** Protestantism and the Politics of Religion in French Colonial Vietnam // French Colonial History published by Michigan State University Press. 2012. Vol. 13. P. 141-174.
7. **Long Doan Trieu.** The first time of Protestantism in Vietnam // Religious Studies Review. 2012. Vol. 6. № 1. P. 71-76.
8. **Long Thanh.** Người dịch Kinh Thánh Tin Lành ra tiếng Việt (Лонг Тхань. Переводчик протестантской Библии на вьетнамский язык) [Электронный ресурс] // Ban Tôn giáo Chính phủ (Правительственный комитет по делам религий). URL: http://btgcp.gov.vn/Plus.aspx/vi/News/38/0/240/0/2965/Nguoi_Dich_Kinh_Thanh_Tin_lanh_Ra_Tieng_Viet (дата обращения: 31.10.2017).
9. **Phu Lê Hoàng.** Lịch sử Hội Thánh Tin Lành Việt Nam (1911-1965). Hà Nội: Nhà xuất bản Tôn giáo, 2010. 428 tr. (Фу Ле Хоанг. История Евангелической церкви Вьетнама (1911-1965). Ханой: Религия, 2010. 428 с.).
10. **Phu Lê Hoàng.** Lịch sử Hội Thánh Tin Lành Việt Nam (1911-1965). Sài Gòn: Trung tâm Nghiên cứu Phúc âm, 1974. 415 tr. (Фу Ле Хоанг. История Евангелической церкви Вьетнама (1911-1965). Сайгон: Центр изучения Евангелия, 1974. 415 с.).
11. **Quá trình Phiên dịch Kinh Thánh sang tiếng Việt** (Процесс перевода Библии на вьетнамский язык) [Электронный ресурс] // Thư viện Tin Lành (Протестантская библиотека). URL: <https://www.thuvientinlanh.org/qua-trinh-phiên-dịch-kinh-thanh-sang-tiếng-việt> (дата обращения: 01.11.2017).
12. **Thanh Minh.** Khái quát lịch sử Hội Thánh Tin Lành Việt Nam (Тхань Минь. Краткая история Евангелической церкви Вьетнама) [Электронный ресурс] // Ban Tôn giáo Chính phủ (Правительственный комитет по делам религий). URL: http://btgcp.gov.vn/Plus.aspx/vi/News/38/0/162/0/3435/Khai_quat_lich_su_Hoi_thanh_Tin_lanh_Viet_Nam (дата обращения: 31.10.2017).

FORMATION OF “TIN LANH” TERM DURING THE PROPAGATION OF PROTESTANTISM IN VIETNAM AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Mai K Da

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow
maikda@mail.ru

The article analyzes the basic historical motives for the origin of the Vietnamese term *Tin Lành* used to designate Protestantism in the period of its appearance and propagation in Vietnam at the end of the XIX – the beginning of the XX century. The term *Tin Lành* is a special phenomenon associated not only with the process of Bible translation into Vietnamese by Protestant missionaries but also with the historical background, conditions and initial propagation of this religion in Vietnam.

Key words and phrases: Protestantism; Bible translation; missionary; Evangelical Church; Vietnam.

УДК 17.021.2

Философские науки

Статья посвящена рассмотрению мироощущения поздней Римской империи на примере ключевых романов I и II вв. н.э. – «Сатирикона» Петрония Арбитра и «Золотого осла» Апулея, – в которых интуитивно предвосхищается закат Античности в широком смысле этого слова. Проводится сравнительная характеристика образа повседневной жизни империи, созданного Петронием, и жизни римлян в романе Апулея. В «Сатириконе» образ имперской жизни полон растущего скептицизма, замещаемого абсурдизмом. В «Метаморфозах» образ империи диалектичен: он раздваивается на профанное и сакральное.

Ключевые слова и фразы: общественное сознание; Pax Romana; «Сатирикон»; мистицизм; скептицизм.

Малик Юрий Сергеевич

Воронежский государственный университет
malik304qwe@rambler.ru

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ В РОМАНАХ «САТИРИКОН» И «ЗОЛОТОЙ ОСЁЛ»

Каждое государство на протяжении всей своей истории старается поддерживать миф о собственной вечности и необходимости в мировом порядке. В любые эпохи находились тайные и явные пропагандисты имперских

мифов. Имена их известны, творчество не отличается разнообразием, и поэтому исследователи обычно используют такие произведения не для изучения исторической реальности минувших веков, а лишь как образцы классической филологии. Не стал исключением и Древний Рим, официальные историки которого любое событие стремились превратить в иллюстрацию имперского гения. Зато античная художественная литература проливает свет на те стороны жизни Империи, которые никак не гармонируют с патетическим образом «героического прошлого», но не менее значимы, чем легендарные сражения. Речь пойдет о повседневной жизни Римской империи, отраженной в романах Гая Петрония Арбитра и Апулея, чье творчество приходится на I и II вв. н.э. Конечно, об империи прямо никто не говорит – у вышеуказанных авторов нет задачи порочить или расхваливать современный им политический строй, однако описание быта и нравов, присущих окружению главных героев романов, ярко иллюстрирует культурный фон происходящего, порой в ироническом и гротескном ключе. Тем не менее мы постараемся определить «образ империи» романа, поскольку «в империях воедино сливаются время и вечность, и потому их мифы не умирают» [7, с. 180].

В «Сатириконе» Петрония в центре сюжета оказываются трое молодых людей – Энколпий, Аскилт и Гитон. В сохранившихся частях произведения описываются похождения вышеуказанных героев, чей беззаботный досуг приводит их от одной беды к другой. Эти юноши не обладают богатством; они странники, чьи хитрость, остроумие и обаяние дают возможность сводить концы с концами, при всем при этом не жалуясь на тяготы судьбы. «Не люблю доходить до цели сразу, немила мне победа без препятствий» [5, с. 138], – заключает Энколпий. Уже в этих строках видно резкое расхождение с древнегреческой традицией, где страх перед богами и давление Судьбы над всеми в античном мире были неоспоримы. Без внимания нельзя оставить и эротическую составляющую «Сатирикона», которая пронизывает это произведение от начала до конца. Несмотря на гомоэротизм, присущий отношениям главных героев, юноши также предаются оргиям со служительницами культа Приапа (бога плодородия). Так, доктор биологических наук Д. А. Жуков замечает, что «надо говорить о тотальной не гомо-, а о бисексуальности греческих мужчин» [3, с. 109], что также характерно и для Древнего Рима как наследующего древнегреческую традицию. Да и название – «Сатирикон» – по сути несет в себе отсылку к увеселению в вакханическом смысле.

Кульминационной частью романа является пир Гая Помпея Трималхиона, множество раз обыгрываемый и интерпретируемый как в зарубежной, так и отечественной культуре. Образ Трималхиона считается культовым, а его пир показывает абсурд, царящий в обыденной жизни того времени. Но обо всем по порядку. «Под звуки музыки внесли самого Трималхиона и осторожно уложили на сложное сооружение из подушек. Смех был неизбежен, хотя неосторожен: из пышного алого одеяния выглядывает бритый череп, шея укутана тканью, а поверх нее пущена салфетка с широкой каймой и бахромой, ниспадавшей на обе стороны» [5, с. 147]. Различные кушанья изобилуют на пиру, и их «метаморфозы» доведены до абсурда, так что даже молодые юноши открыто высмеивают это. Однако Трималхион позволяет подобные выходки, довольствуясь своим положением. Он необразован; не так давно разбогател, причем его положение в обществе стало не столь велико. Его сознание обыденно, и в нем преобладает мещанский, в нашем понимании, элемент. Всё, чем он может довольствоваться, – лишь материальный субстрат, декорации в театре, не более. Петроний и заключает: «Ну, а куда живешь, пей и гуляй, коли так!» [Там же, с. 148], словно оправдывая происходящее. На пиру юноши знакомятся с поэтом Евмолпом, причем неоднократно в романе указывается, что он, по мнению большинства, бездарен и его стихи никому не интересны, однако речи поэта обличают наличную реальность, словно глас истины, которую пытаются заглушить. Финал Сатирикона – апофеоз абсурда. Евмолп завещает съесть его тело тем, кто хочет получить наследство, причем приводя аргументы, хоть и с насмешкой, в пользу этой затеи.

Итак, мы заключаем несколько составляющих романа, формирующих «образ империи» Сатирикона: беззаботное странничество, мотивированное лишь пустой тратой времени; бессцельность существования главных героев; обилие фривольных увеселений; лукавство и разврат, царящие во всех сферах. Все составляющие озаменованы лишь одной канвой – абсурдизмом как закономерным развитием такого способа существования, словно продиктованного Сатиром, играющим на флейте. Такую Империю представляет Петроний Арбитр.

Другой роман, рассматриваемый нами, – «Метаморфозы», или «Золотой осел» Апулея, где главный герой, Луций, довольствуясь лишь странствием и поиском удовольствий, скрашивает своё бытие. В «Метаморфозах» Апулея преобладает мистический оттенок, а название отсылает нас к одноименному произведению Публия Овидия Назона. Однако если у Овидия метаморфозы носят мифологический характер и более космичны, то характер метаморфоз Апулея скорее мирской и комичный – в них нет хтонического и героического подтекста. Луций, которого пленяют рассказы о колдовстве, приходит к тому, что его превращают по велению Рока вместо птицы в осла. «Я же, хотя и сделался заправским ослом и из Луция обратился во вьючное животное, тем не менее, сохранял человеческое соображение» [1, с. 156]. С этой поры с Луцием начинают происходить всяческие приключения, в которых он невольно оказывается жертвой и, скажем, «ослом отпущения». Его хозяева меняются, он претерпевает побои и похищения, всячески стараясь вернуть человеческий облик. В ходе таких приключений на пути Луция встречается множество представителей позднеантичного общества, среди которых есть и рабы, и земледельцы, и знать, однако всюду наблюдается схожая черта – падение нравов. Стоит сказать, что долгое время Луцию и по натуре были присущи животность, стадность, и какое-то время он помнил о своих былых желаниях. Об этом свидетельствуют строки шестой книги: «Одушевленный добровольным решением бегства и стремлением освободить девицу, к тому же и убежденный ударами, которые частенько меня подбадривали, я с лошадиной скоростью застучал по земле четырьмя копытами, пытаясь даже отвечать ржанием на нежные обращения девушки» [Там же, с. 206]. Долгое время Луций скитался в обрешке вьючного животного, пока не узнал, как ему сбросить ослиный облик. На помощь ему приходит «первая,

среди небожителей, единый образ всех богов и богинь...» [Там же, с. 288], владычица Исида, сулящая благословение. Стоит сказать, что «Исида в греко-римском Средиземноморье пользовалась огромным почитанием и любовью, ибо ее имя было связано с упованием победы над смертью» [4, с. 234]. Придя к Луцию во сне, богиня в деталях описывает ритуал, который Луций должен пройти, чтобы вновь стать человеком. Интересно, что Исида в видении выходит из пены морской, подобно древнеримской богине любви – Венере. Отсылка к воде взята неслучайно, поскольку в древнеегипетском веровании «ежегодный разлив Нила примерно в середине лета вызывается слезами Исиды, оплакивающей мертвого Осириса» [6, с. 303]. Стоит упомянуть, что тема сна и сновидений встречается в каждой главе романа. Сновидения пронизывают сюжет, проводя тем самым параллель с гранью небытия, чего-то трансцендентного, что в обычном мире не увидишь. В греческой мифологии «пробуждение имеет сотериологическое значение» [8, с. 122]. Апулей словно разламывает наличное бытие на мир мистики и магии и мир обыденный, сластолюбивый, закабаленный, показывая при этом, что хоть Откровения приходят к герою во снах, он меняет свою жизнь, пробуждаясь. «Метаморфозы» – гимн пробуждения для всего Древнего Рима, причем в смысле веры, поскольку в период упадка Римского мира вера носила формальный характер. Об этом говорит и Апулей: «Пусть видят безбожники, пусть видят и сознают свое заблуждение: вот освобожденный от прежних невзгод, радующийся промыслу великой Исиды Луций, что победил судьбу!» [1, с. 293]. В конечном итоге Луций следует всем предписаниям, становится человеком и остаток своей жизни посвящает служению культу Исиды и Осириса.

Таким образом, подводя итоги рассмотрения «Золотого осла», мы можем выделить несколько ключевых элементов наряду с «Сатириконом». Мир Апулея двойственен, ему присуща мистика, магия в духе неоплатонической традиции, и в конечном итоге главный герой приходит от жизни развратной к жизни праведной, духовной. Империя, которую рисует Апулей, более мифологична, в то время как у Петрония она – скорее социально-политична. В этом смысле настрой Апулея более оптимистичен: он убежден, что общество можно спасти от упадка, но лишь путем веры и только обращаясь к индивиду. Подобно тому, как Исида побеждает Сета в мифологии, так и люди должны победить в себе «ослиные» черты и нравы путем просветления. Петроний же показывает нам лишь наличную реальность и считает, что ни о каких изменениях не может идти речи. Он живет во времена правления Нерона (I в. н.э.) и полон больше скептического реализма, нежели мистического оптимизма. Однако общей особенностью, присущей романам, является сексуальный контекст. Сексуальной жизни Древнего Рима посвящено множество исследований, однако нас интересуют лишь ее общие проявления как в «Сатириконе», так и в «Золотом осле». Культ Приапа, о котором упоминалось в начале, словно является неотъемлемой частью всего «Сатирикона». Разврат присущ как низшим, так и высшим слоям древнеримского общества. Причем ему подвергаются как в религиозном и мистическом ключе, так и в обыденной жизни. У Апулея же разврат также присутствует во всем романе, однако он играет второстепенную роль, является скорее лишь составным элементом, от которого главный герой постепенно отстраняется, выбрав праведную жизнь и аскезу. Так или иначе, при необходимом упоминании сексуальной составляющей как действительно присущей жизни Древнего Рима мы можем закономерно утверждать о критическом отношении авторов к таким проявлениям жизни. Петроний и Апулей, по сути, высмеивают наличное бытие, мир и людей, которые их окружают, обличая вульгарность и падение нравов, способствовавшие упадку Древнего Рима. Само общество того времени, принимая эклектичные ценности и идеалы разных народов, осознанно или нет, извращало их, выбирая лишь самые низменные, но увеселительные части различных культур. Такой обыденный эклектизм разрушал целостность и идеалы империи, которые ранее её породили.

Каким же мы видим «образ империи», присущий реалиям романов? Имперский образ содержит в себе уникальные черты: в ней сливаются конкретно-историческая данность и метафизическая тайна; геополитическая и часто уродливая реальность и мистическая по духу универсалистская парадигма социально-исторического бытия как некий своеобразный способ взаимодействия человека и мира, превосходящий свои внешние этнокультурные параметры [7]. Однако этот образ лишен греческого героизма и величия. Переняв многие черты различных культур, продолжив эллинистическую тенденцию, Империя не смогла удержать это величие на месте. «Римская империя на Западе могла бы существовать еще тысячу лет, хотя и на иной, романизированной, этнокультурной основе, если бы лежавшие в ее основании мифологемы продолжали вызывать энтузиастический восторг и поклонение нобилитета и престолюбов. Но этого как раз и не было. “Овеществление” римского имперского идеала в самой *imperiū romanū* обнаружило кричащее несоответствие замысла и результата, локально-шовинистического “римского мифа” и его воплощения и одновременно – отсутствие всякой дальнейшей перспективы, кроме консервации “непрерывно возрастающего счастья”» [Там же, с. 192]. Единственное, что осталось присуще этому образу, – властолюбие, сладострастие, примитивный гедонизм, абсурдизм и растущий скептицизм, разрушивший все философские и религиозные платформы древнеримского общества. «Империя создала императоров, а не наоборот» [2, с. 312], тем самым дав возможность обожествить не её образ, а персоналии монархов, которые зачастую менялись и не старались соответствовать образу *Pax Romana*.

Список источников

1. Апулей. «Метаморфозы» и другие сочинения / сост. и науч. подгот. текста М. Гаспаровой. М.: Худож. лит., 1988. 399 с.
2. Бирд М. SPQR: история Древнего Рима. М.: Альпина нон-фикшн, 2017. 696 с.
3. Жуков Д. А. Биология поведения богов и героев Древней Греции. СПб.: Крига, 2015. 248 с.
4. Зубов А. Религия Древнего Египта: в 2-х ч. М.: РИПОЛ классик, 2017. Ч. 1. Земля и боги. 400 с.
5. Римская сатира / сост. и науч. подгот. текста М. Гаспаровой. М.: Худож. лит., 1989. 543 с.
6. Фрэнгер Дж. Золотая ветвь. Новые плоды. М.: Академический проект, 2014. 407 с.

7. Цуркан А. А. Имперское сознание римлян как мифологический феномен // Вестник Воронежского государственного университета. Серия 1. Гуманитарные науки. 2001. № 2. С. 180-193.
8. Элиаде М. Аспекты мифа. М.: Академический проект, 2014. 235 с.

EVERYDAY LIFE OF THE ROMAN EMPIRE IN THE NOVELS “SATYRICON” AND “THE GOLDEN ASS”

Malik Yurii Sergeevich
Voronezh State University
malik304qwe@rambler.ru

The article analyzes the world perception of the late Roman Empire by the example of the key novels of the I and II centuries A.D. – “Satyricon” by Petronius Arbiter and “The Golden Ass” by Apuleius – which intuitively anticipate the decay of Antiquity in the broad sense of the word. The paper provides the comparative characteristic of the Empire’s everyday life as it is presented by Petronius and Roman lifestyle in Apuleius’s novel. In “Satyricon” the Empire’s life is full of growing skepticism replaced with absurdism. In “Metamorphoses” the Empire’s image is dialectical: it is divided into profane and sacral.

Key words and phrases: public consciousness; Pax Romana; “Satyricon”; mysticism; skepticism.

УДК 9; 929

Исторические науки и археология

В статье исследуется жизненный путь и творчество малоизвестного представителя русской поэзии Серебряного века и переводчика Бориса Владимировича Бера, показаны его дружеские отношения и переписка с писателем и мыслителем А. М. Горьким, выявлена связь Бера с Атяшевским районом Республики Мордовия. Основное внимание автор уделил периоду жизни Б. В. Бера в его родовом имении в селе Знаменское, проанализировал влияние революционных событий начала XX в. на творчество и судьбу поэта и переводчика.

Ключевые слова и фразы: Борис Владимирович Бер; поэт; переводчик; Серебряный век; революция.

Марискин Олег Иванович, д.и.н., профессор

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва, г. Саранск
mariskinoi@mail.ru

ПОЭТ Б. В. БЕР И РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СОБЫТИЯ НАЧАЛА XX ВЕКА

Исследование выполнено при содействии «Благотворительного фонда поддержки социального развития Атяшевского района Республики Мордовия».

Поэт и переводчик Борис Владимирович Бер родился 13 февраля 1871 г. в г. Нижнем Новгороде и происходил из обрусевшего немецкого рода, по данным автобиографии – выходцев из Курляндии [6, д. 121, л. 2], по другим данным – из Лифляндии (рижский род Беров) [1, с. 80, 84]. При крещении Борис назван был в честь своего деда сенатора и юриста Бориса Ивановича Бера (1805-1869). Б. И. Бер вторым браком был женат на Анне Дмитриевне Чирковой, владелице крупного имения в селе Знаменском Ардатовского уезда Симбирской губернии (ныне Атяшевский район Республики Мордовия), дочери симбирского помещика майора Дмитрия Александровича Чиркова и его крепостной, «вольноотпущенной девки» Ирины Титовой.

30 августа 1841 года в этом браке родился Владимир Борисович – отец поэта Бориса Владимировича. Через два года 4 марта 1843 года Анна Дмитриевна умирает при родах, оставив имение в селе Знаменском мужу [6, д. 123, л. 4]. В 1869 году имение по наследству перешло в собственность Владимира Борисовича.

В 1890 году имение Знаменское состояло из 1,5 тыс. дес. земли, 40 лошадей (стоимостью 2 000 рублей), 130 голов коров и быков (3 000 рублей). Имелись хорошие постройки, водяная мельница в 9 поставов с обоями и механическим устройством для размолота сеяной муки, зерносушилка (14 000 рублей). Из земледельческих орудий и машин: две молотилки, одна из которых с конным приводом, другая приводилась в действие водой, 6 плугов, две сеялки и при них полный комплект сбруи, достаточное количество дровней и саней. Стоимость всех орудий и машин оценивалась в 10 000 рублей. В имении рос и большой фруктовый сад, который сдавался в аренду крестьянам. В целом имение оценивалось в 64 720 рублей. Чистый доход составлял от 4 до 6 тысяч рублей в год [3, с. 171].

Поэт Серебряного века Борис Бер был в дружеских отношениях с молодым Алексеем Максимовичем Горьким. Сохранилось несколько писем А. М. Горького к Бери. В одном из них, датированном 1895 г., А. М. Горький, со свойственным ему юмором, пишет, что ожидает от Бера «дальнейших поступков» и «вполне уверен в их оригинальности» [4, с. 121]. Только весной 1891 г., уже в двадцатилетнем возрасте, Борис экстерном сдал экзамен на аттестат зрелости. В 1891 г. он принят на юридический факультет Московского университета, в 1893 г. перешел на филологический факультет Петербургского университета, в 1894 г. поступил вольноопределяющимся в Измайловский полк. В 1895 г. оставил военную службу и до 1898 г. обучался в Казанском университете. 23 марта 1896 г. внесен в 3 часть дворянской родословной книги Симбирской губернии.